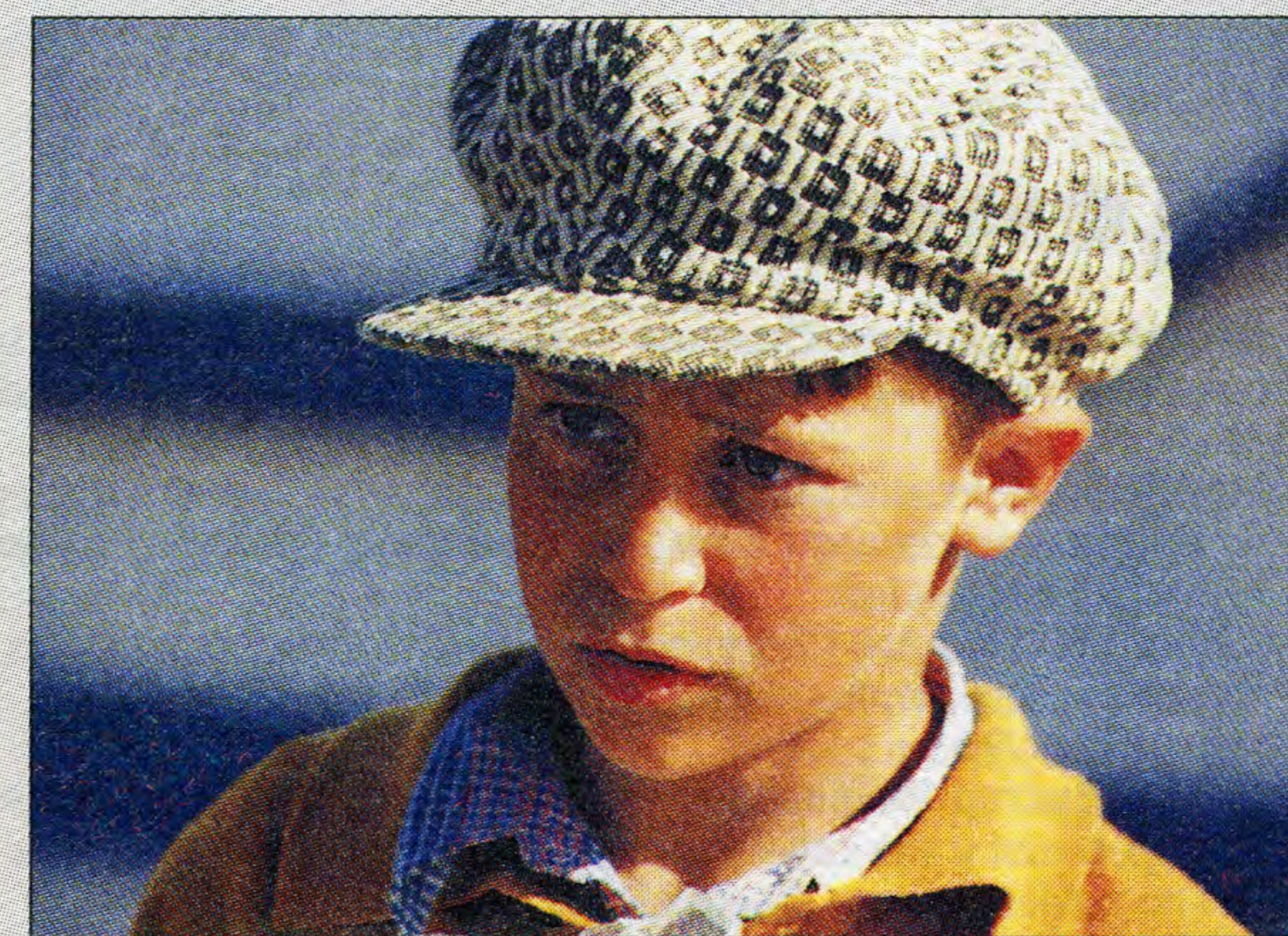

Всеволод БОГДАНОВ,
председатель Союза журналистов России

Милый сердцу край Поморский

И тот и не тот нынче Архангельск. Не стало Поморской, той Поморской, где «свистунов ищут» и откуда неповторимый во всей своей самобытности запах соленой трески и терпкий острый аромат печорского засола расплывался вдоль всех набережных. И причалы не оглашаются, как бывало, архангело-го-род-ским говором: «Отправляются па-ро-теп-ло-хо-ды по линиям — Цигломень, Рикасиха, Боброво, Холмогоры!» Город стал ухоженным, цивилизным, похожим на многие другие, без деревянных тротуаров. Горожане меньше окают, говорят чаще с московским акцентом, только губернатор Анатолий Ефремов пока еще не изменяет родительскому произношению.

Так, может быть, все оно и к лучшему? Зачем уж слишком цепляться за прошлое? Пур-Наволок, Марфин Дом да срубы наших предков на высоком берегу Двины, собранные со всей области, напоминают о корнях — и достаточно? По разуму — наверное, а по душе? А в ней навечно и белые ночи Беломорья, и наваждение беломошных сосновых лесов, и туманные берега Соловков, с проступающими в дымке суровыми башнями.

Когда красавица Двина, покинув Архангельск и обогнув Уйму (самую длинную русскую деревню — двенадцать километров!) и Лявлю с серебряными куполами ее рукотворных церквушек, перед ней через водную стремнину и заливные луга предстает на высоком угоре Кехта — деревня, где я родился. Это самое дорогое для меня место на земле. Отсюда моя мать студенткой ушла на фронт — почти с первого дня войны. Как и ее старшие братья. На фронте вышла замуж, вернулась в 1944 году живой, чтобы родить меня. А вот отца убили на войне, когда мне было полгода.

В моей деревне всегда много работали. В войну и после нее. При Сталине, при Хрущеве и при Брежневе. В любое время года. И плоды их труда уплывали каждое утро на пароходе в Архангельск. Так, по крайней мере, мне, ребенку, казалось.

Сейчас все иначе. Родная деревня производит впечатление богатой и красивой дачницы. Около каждого дома теплицы, гаражи. Масло, колбасы, мясо теперь в Кехту привозят чаще заграничные. Не могу и не хочу упрекать в чем-либо своих земляков, как в свое время сделал это Федор Абрамов. Не вправе. Да и в чем они виноваты? Жизнь круто изменилась.

Но люблю я ту старую Кехту — в ее трудах и хлопотах, заботливую и добрую, в березках, на высоком угоре над Двиной. Люблю эту великую реку, Архангельск, Холмогоры, да и все другие дали и веси Беломорья, людей, которые здесь живут постоянно, — при всех строях и правителях. И по-хорошему им завидую. И тянет к ним вернуться. Только хватит ли на это времени и сил?

Фото Алексея НАТАЕВА